

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

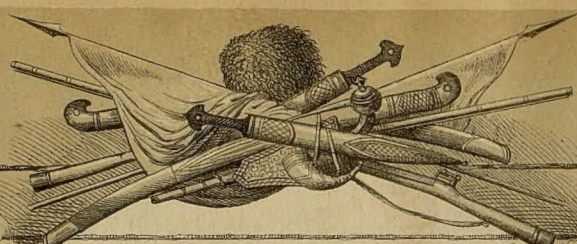
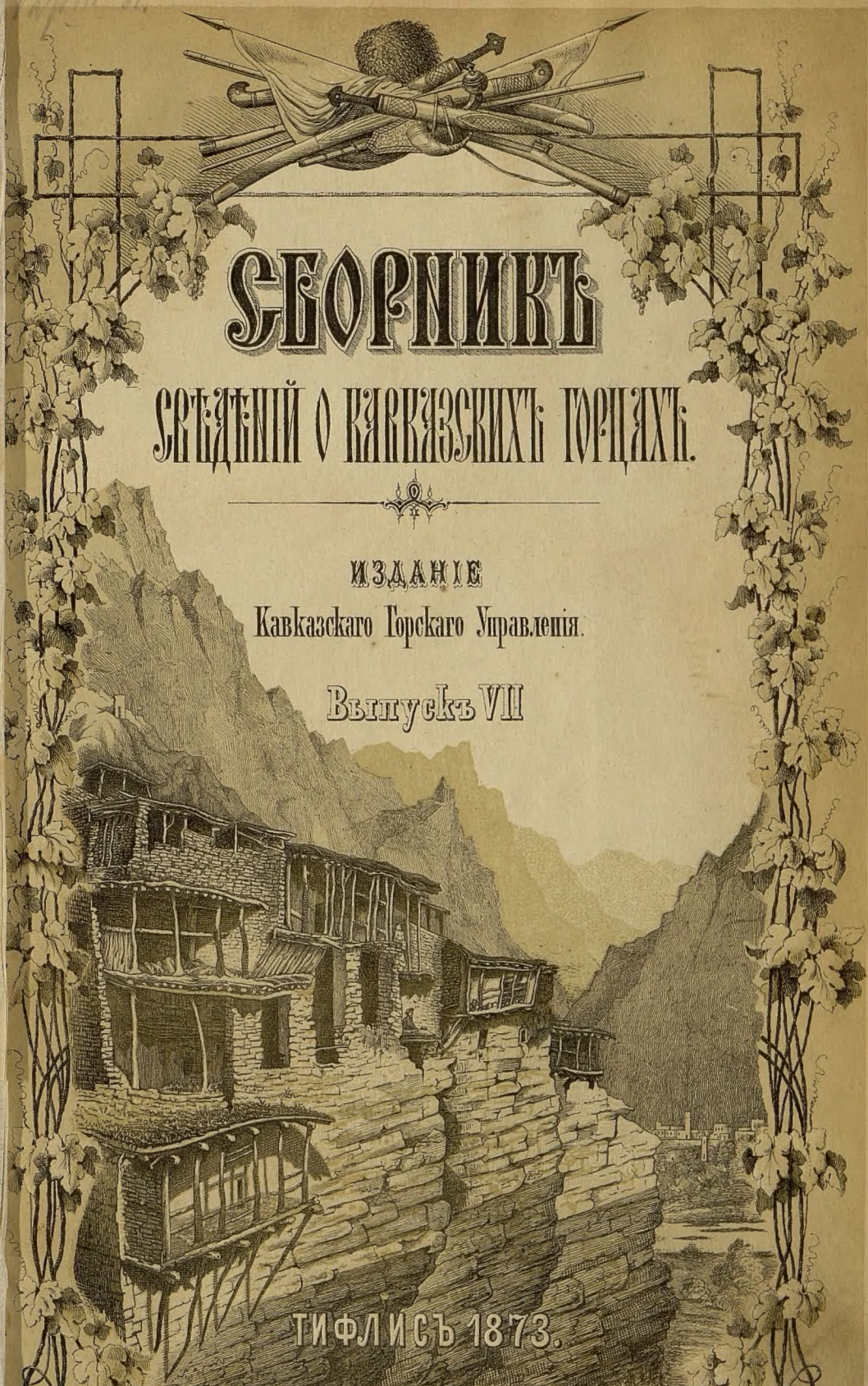
ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VII.

ТИФЛИСЪ.

1873.

СБОРНИКЪ

СРЕДНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ VII

ТИФЛИСЪ 1873.

Предметный каталог
Донской общественной библиотеки
И. М. МАРКСА

Библиотека
1873
108-81
Всего 12 шт.

Прислано
1873 г. 28

СБОРНИКЪ

СРЕДНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ СОЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнoкомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

C 22, 12 21

ВЫПУСКЪ VII.

ТИФЛИСЬ.

БИБЛИОТЕКА
И. М. МАРКСА

1873.

187267

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

VII ВЫПУСКУ

СБОРНИКА

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ,

Въ приложеніи къ VI выпуску «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» помѣщена статья: «Статистическія свѣдѣнія о Мангышлакѣ», причемъ, въ предисловіи къ ней, объяснены причины, побудившія Редакцію «Сборника» дать мѣсто этой статьѣ на страницахъ изданія, имѣющаго свое спеціальное назначеніе. Не повторяя здѣсь изложенія этихъ причинъ, ограничимся замѣчаніемъ, что онѣ-же обусловливаютъ помѣщеніе въ настоящемъ выпускѣ «Сборника» нижеслѣдующихъ приложеній, заключающихъ въ себѣ нѣкоторые преданія и пѣсни обитателей Мангышлака. Возможностью обнародовать эти сказанія мы обязаны г. А. К., посѣтившему Мангышлакъ зимою 1870—1871 г., лично записавшему и переведшему ихъ почти буквально, при пособіи и совѣтѣ знающихъ переводчиковъ.

Ред.

Содержаніе.

- 1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакъ.
 - 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.
 - 3) Разсказъ и стихи тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекена), 1870 г.
 - 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса.
 - 5) Киргизская пѣсни.
-

ПРЕДАНІЯ АДАЕВЦЕВЪ О СВЯТЫХЪ, СЕКТЫ ХАНАФИЕ, ЖИВШИХЪ И УМЕРШИХЪ НА МАНГЫШЛАКЪ.

По всему Мангышлаку разбѣяны во множествѣ могилы свя-
тыхъ, почитаемыхъ киргизами и тюркменами. На каждой мо-
гилѣ святого воткнуты длинныя шесты, къ которымъ прихо-
дящіе на поклоненіе привязываютъ куски тряпокъ и т. п., въ
видѣ жертвы. Охотники считаютъ обязанностью головы убитыхъ
ими архаровъ (каменныхъ барановъ) класть на могилы святыихъ,
туда-же кладутся и головы верблюдовъ и лошадей, хорошо и
долго служившихъ ихъ хозяевамъ. Надъ нѣкоторыми могилами
выстроены прочныя зданія изъ тесаного камня, съ куполами и
съ надписями изъ корана; при нѣкоторыхъ есть небольшія ме-
чети, куда въ опредѣленное время собираются на молитву всѣ
кочующіе поблизости. Присяга, принятая на могилѣ святого, ука-
заннаго истцомъ, считается совершеннымъ доказательствомъ не-
виновности отвѣтчика; но на нее рѣшаются немногіе. Присягаю-
щій долженъ взяться обѣими руками за шестъ, стоящій на мо-
гилѣ, и сказать: „не видалъ, не слыхалъ, не пилъ, не ѣлъ; если
говорю неправду, да убьетъ меня Богъ, да убьетъ этотъ святой“.

Преданій о чудесахъ, произведенныхъ святыми при жизни и
послѣ смерти, очень много. Предлагаемый разсказъ записанъ со
словъ Кафара Караджигитова, Бикъ-Булата Есекенова и муллы
Ходжа-Берды.

Пророкъ Мухаммедъ, незадолго передъ смертью, подозвалъ
къ себѣ нѣкоего Баба-Арслана, положилъ ему въ ротъ одно
зерно нухуда (горохъ) и сказалъ: „черезъ триста семьдесятъ три
года, отдай этотъ нухудъ Ходжа *) Ахмеду; а до того времени
не вынимай его изъ рта“.

*) Ходжами называются потомки Мухаммеда, отъ дочерей его.

— „Какъ-же я могу это сдѣлать и почему узнаю Ходжа-Ахмедъ“? спросилъ Баба-Арсланъ.

— „Ты проживешь сказанное мною число лѣтъ, а Ходжа-Ахмедъ узнаешь по тому, что когда народъ въ Тюркестанѣ станетъ собираться въ мечеть, то онъ войдетъ въ нее первымъ, а выйдетъ послѣднимъ“, отвѣчалъ пророкъ Мухаммедъ.

Баба-Арсланъ жилъ еще триста семьдесятъ три года, по указанію пророка узналъ Ходжа-Ахмедъ и передалъ ему нухудъ. Ходжа-Ахмедъ, получивъ нухудъ, тотчасъ-же его проглотилъ и уже съ того времени до самой смерти ничего не ѣлъ и ничего не пилъ. Онъ сдѣлался великимъ святымъ, ходилъ всегда съ палкою (эса) въ рукахъ, за что и прозванъ Эсауи (или, по выговору киргизъ, Эсауй). У него было 3363 мюрида, по рассказамъ другихъ—14000. Послѣ смерти Ходжа-Ахмеда мюриды его разошлись въ разныя стороны, 363 изъ нихъ пришли на Мангышлакъ, гдѣ и умерли; всѣ они считаются святыми; хотя имена ихъ неизвѣстны; но могилы ихъ почитаются.

Главныхъ святыхъ два: Гакимъ-Ата, бывший мюридомъ Ходжа-Ахмеда Эсауй, и сынъ его Султанъ-Эле (Гюбби).

Однажды Ходжа-Ахмедъ Эсауй сидѣлъ въ мечети; по окончаніи молитвы онъ взглянулъ на выходившихъ изъ нея учениковъ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ, держа коранъ на головѣ, выходитъ спиною къ дверямъ. Ходжа-Ахмедъ подозвалъ его и спросилъ: „зачѣмъ несешь коранъ на головѣ“? — „Считаю неприличнымъ носить его за плечами, потому что въ немъ заключаются Божія повелѣнія; также считаю неприличнымъ оборачиваться спиною къ учителю, у котораго я изучилъ коранъ и обряды религіи“, отвѣчалъ мальчикъ. Такой отвѣтъ понравился Ходжа-Ахмеду; онъ взялъ этого мальчика къ себѣ на воспитаніе, училъ его, сдѣлалъ своимъ мюридомъ и приказалъ называться Гакимъ-Ата.

Когда Гакимъ-Ата, послѣ многолѣтняго ученія, достигъ совершенства въ познаніи тариката, Ходжа-Ахмедъ послалъ его въ Хиву и при отправленіи сказалъ: „Тебѣ предопредѣлено жить въ той странѣ. Многихъ ученіе твое сдѣлаетъ совершенными мюридами; тамъ-же ты женишься и будешь имѣть дѣтей“.

Выслушавъ все это со вниманіемъ, Гакимъ-Ата отправился въ путь верхомъ на верблюдѣ; черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ къ Хивинскому морю (Аральское море). На берегу моря, на концѣ одного пастбища, верблюдъ Гакимъ-Аты остановилъ

ся, легъ на землю и, не смотря на поужденія, не хотѣлъ встать, а только ревѣлъ, отъ чего это мѣсто названо впоследствии, да и донныя называется, *Багирганъ*, что значить: ревъ или крикъ.

Пастбище это принадлежало хану Бура-хану; на немъ паслись его табуны; пастухи, увидя Гакимъ-Ату, подошли къ нему и сказали: „что ты за человѣкъ, что безъ позволенія нашего хана остановился на его землѣ? это дерзость съ твоей стороны“.

— „Я пришлецъ, хочу пріютиться здѣсь“, отвѣчалъ имъ Гакимъ-Ата.

— „Не позволимъ! потому что это ханская земля“, закричали пастухи и, схвативъ свои палки, хотѣли бить Гакимъ-Ату; но онъ, обратясь къ росшимъ вблизи деревьямъ, сказалъ: „удержите ихъ“. Въ то же мгновеніе вѣтви деревьевъ выгнулись и захватили трехъ пастуховъ; остальные въ большомъ страхѣ бѣжали и, прибѣжавъ къ Бура-хану, рассказали ему о случившемся.

Бура-ханъ сказалъ своему визирю Абдулла-Седру, что человѣкъ, о которомъ говорятъ пастухи, долженъ быть необыкновенный, и приказалъ ему ѣхать и подробно обо всемъ узнать. Визирь пріѣхалъ къ Гакимъ-Атѣ и послѣ обычнаго привѣтствія вѣжливо спросилъ: кто онъ и откуда? Гакимъ-Ата отвѣтилъ: „имя мое Гакимъ-Ата, отецъ мой Гакимъ-Сулейманъ, наставникъ мой Ходжа-Ахмедъ Эсауи“.

— „Зачѣмъ эти пастухи задержаны деревьями?“ спросилъ Абдулла-Седръ.

— „Такова бываетъ участь тѣхъ, которые неугодны Богу“, отвѣчалъ Гакимъ-Ата.

Визирь возвратился и рассказалъ хану о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Выслушавъ его, ханъ сказалъ: „Гакимъ-Ата, эвлин-уллахъ (великій святой), пришелъ въ наши предѣлы, — надо идти къ нему за благословеніемъ, съ приличными приношеніями, и признать его *пиромъ*“ (тоже что муршидъ, наставникъ).

Затѣмъ ханъ собралъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено представить въ подарокъ Гакимъ-Атѣ: красивую дочь Бура-хана, сто верблюдовъ, сто лошадей, сто штукъ рогатаго скота и сто барановъ, съ вожакими, конюхами, пастухами и рабами. Когда все это было доставлено къ Гакимъ-Атѣ, онъ благосклонно принялъ подарки и приказалъ деревьямъ отпустить задержанныхъ ими пастуховъ.

Вслѣдъ затѣмъ и самъ Бура-ханъ, съ визирями, беками и почетными людьми, явился къ Гакимъ-Атѣ и поступилъ къ нему

въ мюриды. Вскорѣ слава о святости Гакимъ-Аты распространилась по всему міру; число посѣтителей, желавшихъ его видѣть и слышать его поученія, день-о-то-дня увеличивалось. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился его верблюдъ, была построена крѣпость и скоро около нея выстроился большой городъ, названный Багирганъ.

Жена Гакимъ-Аты Анбаръ родила отъ него трехъ сыновей: 1) Мухаммедъ-Ходжа, 2) Аскеръ-Ходжа и 3) Гюбби, называемого киргизами Султанъ-Эпе. Первые двое учились въ школѣ, находившейся въ разстояніи 15-ти дневнаго пути отъ Багиргана; а послѣдній, родившійся въ отца, воспитывался дома. У Гакимъ-Аты въ домѣ жилъ еще одинъ ученикъ, по имени Шейхъ-Саэтъ, достигшій полнаго совершенства въ познаніи тариката. Однажды Гакимъ-Ата и жена его Анбаръ бесѣдовали въ открытомъ полѣ, вдали отъ города; у нихъ зашла рѣчь о томъ, который изъ воспитанниковъ Гакимъ-Аты болѣе усовершенствовался въ познаніяхъ, сынъ-ли ихъ Султанъ-Эпе или Шейхъ-Саэтъ. Чтобы рѣшить споръ, Гакимъ-Ата громко назвалъ обоихъ по именамъ; послышался отвѣтъ: „что приважете“? и вслѣдъ затѣмъ явился Шейхъ-Саэтъ, а Султанъ-Эпе не явился даже по второму и третьему зову, а пришелъ лишь спустя нѣсколько часовъ и принесъ двухъ оленей.

— „Нескоро пришелъ“, сказалъ сердито Гакимъ-Ата, и не захотѣлъ принять отъ него оленей.

— „На большомъ морѣ (Каспійское море) два судна разбились; бывшіе на нихъ люди кричали: о Султанъ-Эпе, помоги *)! Я, явившись туда, спасъ ихъ и въ ту же минуту слышалъ твой зовъ; но какъ разстояніе велико, то я и опоздалъ“, сказалъ Султанъ-Эпе.

— „Не вѣрю!“ сказалъ Гакимъ-Ата, „я хорошо знаю, какое разстояніе отсюда до большого моря“.

— „Если не вѣрите, взгляните на мое мокрое платье и слѣды веревки, которою я вытаскивалъ лодки, на моей спинѣ“.

Гакимъ-Ата посмотрѣлъ на спину своего сына и увидѣлъ на ней полосу, образовавшуюся отъ тренія веревкой.

— „Спасенные мною люди обѣщали принести въ даръ, че-

*) Киргизы вѣрятъ, что если погибающіе на водѣ обратятся съ молитвой къ Султанъ-Эпе, то будутъ спасены непременно.

резъ пять мѣсяцевъ, десять тысячъ тенгъ *), — и принесутъ“, сказалъ Султанъ-Эпе.

Гакимъ-Ата на это ничего не отвѣтилъ. Ровно черезъ пять мѣсяцевъ спасенные принесли десять тысячъ тенгъ. Скоро это происшествіе сдѣлалось повсемѣстно извѣстнымъ, и всѣ стали почитать Султана-Эпе за человѣка, одареннаго отъ Бога способностью совершать чудеса.

Гакимъ-Ата совѣтуемую утреннюю молитву совершалъ въ городской мечети, а обязательную въ Меккѣ, при каабѣ. Однажды Султанъ-Эпе спросилъ Гакимъ-Ату: „отецъ, гдѣ ты совершаешь обязательную утреннюю молитву“?

— „Летаю къ каабѣ и тамъ молюсь“, отвѣчалъ Гакимъ-Ата.

— „Это для тебя безпокойно, не можешь-ли сдѣлать такъ, чтобы кааба являлась сюда“? сказалъ Султанъ-Эпе.

— „Нѣтъ, этого сдѣлать я не въ силахъ; а если ты можешь, то сдѣлай. Посмотримъ“, сказалъ Гакимъ-Ата.

Въ слѣдующее утро Гакимъ-Ата, войдя въ мечеть, увидѣлъ каабу и множество людей, молившихся при ней, и самъ совершилъ утренній намазъ. Жители Багиргана, увидя такое чудо, всѣ сдѣлались мюридами.

Однажды, въ праздникъ курбана, мюриды Гакимъ-Аты собрались виѣсть, зарѣзали девять быковъ и съѣли все мясо, безъ остатка. Султанъ-Эпе при этомъ не былъ. Онъ пришелъ только на слѣдующій день и, узнавъ, что для него не оставили ни куска мяса, спросилъ отца: почему о немъ позабыли?

— „Кто дѣлалъ дѣло, тотъ получилъ свою часть; а какъ тебя не было, то тебѣ ничего и не слѣдуетъ“, сказалъ Гакимъ-Ата.

Султанъ-Эпе попросилъ мюридовъ своего отца принести къ нему шкуры, святая съ зарѣзанныхъ ими быковъ, и кости; когда они это исполнили, то онъ, обратясь къ отцу, сказалъ: „Прикажи этимъ шкурамъ и костямъ встать и идти на пастбище“.

— „Я не въ силахъ это исполнить“, сказалъ Гакимъ-Ата.

— „Когда такъ, то позвольте мнѣ сдѣлать“.

Получивъ отъ отца согласіе, Султанъ-Эпе воскликнулъ: „Бисмиляхъ! (во имя Божіе!)“, собралъ шкуры и кости своею

*) Мелкая хивинская серебряная монета; по настоящему курсу 9 тенгъ равны 2 рублямъ.

есою (палкой) въ одно мѣсто и, слегка ударивъ по кучѣ, сказалъ: „волею Божіею, вставайте!“ Быки ожили, встали и пошли на пастбище. Послѣ этого чуда, Султанъ-Эне, простившись съ отцемъ и матерью, сталъ невидимъ.

Гакимъ долго и вездѣ розыскивалъ исчезнушаго сына, но нигдѣ не могъ найти. Когда Ходжа-Ахмедъ Эсауи узналъ обо всемъ происшедшемъ, то сдѣлалъ Гакимъ-Атѣ строгій выговоръ, за грубое обращеніе съ сыномъ, и сказалъ: „да течетъ вода надъ твоей могилой въ продолженіи сорока лѣтъ“.

Когда Гакимъ-Ата умеръ, его похоронили возлѣ города; вскорѣ послѣ этого Ургенчская рѣка (Аму-Дарья) перемѣнила русло, разрушила городъ Багирганъ и текла надъ этимъ мѣстомъ ровно сорокъ лѣтъ; по истеченіи этого времени она отошла и могила Гакимъ-Аты открылась.

Старшіе сыновья Гакимъ-Аты, Мухаммедъ-Ходжа и Аскеръ-Ходжа, узнавъ объ исчезновеніи брата, разыскивали его повсемѣстно, для этого пришли на Мангышлакъ и тамъ умерли оба. Они также были святыми и творили чудеса. Могилы ихъ находятся близъ родника Мереть *).

Лѣтъ черезъ сто по исчезновеніи Султана-Эне, когда на Мангышлакѣ кочевали Ногаи, въ верхней части равнины, называемой теперь *Султанъ-Эне-сай* **), собралось много кибитокъ. Между кочующими былъ одинъ мулла, учившій дѣтей; въ числѣ его учениковъ былъ одинъ мальчикъ, по имени Хейрулла, плѣшивый отъ паршей, рябой и хромой. Каждый день его били, въ школѣ—мулла, а дома—родители. Товарищи смѣялись надъ нимъ и постоянно его обижали. Однимъ словомъ, жизнь его была самая тяжелая. Однажды ушелъ онъ далеко въ степь, рѣшившись лишиться себя жизни; уставши отъ ходьбы, онъ прислонился къ большому камню и, обратясь къ Богу съ горячей молитвой, много пладалъ, билъ себя въ грудь, наконецъ заснулъ. Въ полдень слѣдующаго дня, когда онъ все еще спалъ, представился ему во снѣ какой-то неизвѣстный человѣкъ и сказалъ: „сынъ мой! не плачь, открой ротъ“. Хейрулла это исполнилъ, незнакомецъ плюнулъ ему въ ротъ, отчего въ мальчикѣ тотчасъ-же проявились мудрость и познанія. Затѣмъ незнакомецъ сказалъ ему:

*) Верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ Александровскаго форта, недалеко отъ залива Сары-ташь.

**) Къ сѣверо-западу отъ Мерета, верстахъ въ 10-ти.

„встань, иди по степи и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь сидящаго орла, построй мечеть“. На это Хейрулла сказалъ: „я слабый мальчикъ и не могу поднять, даже небольшого, камня“. Тогда незнакомецъ сказалъ: „я Султанъ-Эпе; когда будешь поднимать камни, произноси: о Султанъ-Эпе! камни божественной силой поднимутся и ты легко ихъ положишь, куда будетъ нужно“. Сказавъ это, Султанъ-Эпе исчезъ.

Хейрулла проснулся, пошелъ по степи и скоро увидалъ сидящаго орла; когда онъ близко подошелъ къ нему, то орелъ громко сказалъ: „Султанъ-Эпе“, взлетѣлъ и исчезъ. Хорошенько замѣтивъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ орелъ, Хейрулла вернулся къ своему учителю. Мулла, прибивъ его за то, что онъ такъ долго не являлся, далъ ему книгу и приказалъ читать. Хейрулла прочелъ безъ затрудненія. Тогда мулла задалъ ему еще семь страницъ новаго урока, — онъ прочелъ ихъ одинъ разъ и отвѣчалъ какъ ученый. Такимъ образомъ обнаружилась полученная имъ премудрость и весь народъ дивился такому чуду. Послѣ этого Хейрулла ушелъ въ степь и, придя къ замѣченному мѣсту, прикасался руками къ большимъ камнямъ, восклицая: „о Султанъ-Эпе!“ Каждый камень, тронутый имъ, легко поднимался и ложился на то мѣсто, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ Хейрулла очень скоро построилъ мечеть. Слѣды мечети и бывшаго около него дома видны и теперь. Между развалинами, говорятъ, была дорога; но теперь она заросла, потому-что по ней никто не ходитъ; однако мѣсто это и доселѣ почитается за святыню; сюда ходятъ молиться больные, которые скоро получаютъ облегченіе отъ болѣзни, и женщины, желающія имѣть дѣтей, которыя также получаютъ желаемое. Послѣ этого чуда, Хейрулла получилъ прозваніе „Суфій“.

Ходжа-Ахмедъ Эсауи имѣлъ четырнадцать тысячъ мюридовъ. Однажды, для испытанія преданности ихъ къ себѣ, онъ подвизалъ къ нижнему платью еписку, наполненную водой, взялъ палку и пошелъ въ мечеть. Когда начался намазъ, Ходжа-Ахмедъ, молившійся впереди всѣхъ, сдвинулъ еписку, — бывшая въ ней вода вытекла; замѣтивъ это, мюриды сказали: „наставникъ нашъ мочится, чистота его нарушилась, не слѣдуетъ молиться съ нимъ“, и одинъ за другимъ вышли изъ мечети; продолжать молитву остались только двое мюридовъ: Гакимъ-Ата и Чобанъ-Ата. Когда они окончили молитву и вышли изъ мечети, ихъ окружили мюриды и спросили: зачѣмъ они молились за человѣ-

комъ, сдѣлавшимся нечистымъ? Тѣ рассказали имъ о кишкѣ съ водою, подвизанной Ходжа-Ахмедомъ лишь для испытанія своихъ учениковъ; узнавши объ этомъ, всѣ мюриды рассказали въ своемъ поступкѣ и опять пришли къ Ходжа-Ахмеду, для слушанія его наставленій и поученій.

Незадолго передъ своею смертію, Ходжа-Ахмедъ, помолвившись въ мечети и сидя въ ней, бросилъ свою эсу въ окно; эса улетѣла; тогда онъ, обратясь къ своимъ мюридамъ, сказалъ: „кто принесетъ мнѣ мою палку, тому прочту суру Фатиха“ *). Всѣ мюриды бросились вонъ изъ мечети искать палку, только одинъ Чобанъ-Ата всталъ, дошелъ до дверей мечети, но тотчасъ-же вернулся и сѣлъ. Ходжа-Ахмедъ обратился къ нему и спросилъ: „зачѣмъ ты сидишь“?

— „Я бы пошелъ, если-бы вы теперь-же прочли мнѣ Фатиха; палка уже очень далеко отсюда, на западѣ, она на Мангышлакѣ, на берегу большого моря“, сказалъ Чобанъ-Ата.

Въ это время не нашедшіе палки стали возвращаться въ мечеть. Ходжа-Ахмедъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: „изъ такого большого числа учениковъ, я имѣю только одного достойнаго и друга“. Затѣмъ прочелъ Чобанъ-Атъ Фатиха, позволилъ ему идти на Мангышлакъ, отыскивать его эсу, и простился съ нимъ навсегда.

Чобанъ-Ата отправился въ путь, шелъ нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ пришелъ на Мангышлакъ, гдѣ, по божьему указанію, нашелъ то мѣсто, на которое упала эса Ходжа-Ахмеда, и увидѣлъ, что она уже обратилась въ высокое дерево; а подъ деревомъ сидитъ, почтенный на видъ, человѣкъ, который, казалось, ожидалъ прибытія Чобанъ-Аты. Они скоро познакомились, Чобанъ-Ата женился на его дочери и остался здѣсь жить навсегда.

Вскорѣ по всему Мангышлаку стало извѣстно о прибытіи Чобанъ-Аты, его мудрости и учености; къ нему стали приходять для слушанія его поученій, и десять тысячъ человѣкъ сдѣлались его мюридами.

У Чобанъ-Аты было трое дѣтей, сыновья: 1-й Исанъ-Ата (Эхсанъ) и 2-й Чагрикъ-Ата (Шахъ-Роухъ) и дочь Тергинъ-Биби.

Чобанъ-Ата творилъ много чудесъ при жизни и послѣ смерти; перечислить ихъ всѣ невозможно. Онъ похороненъ вблизи

*) Перваѣ глава корана.

того мѣста, гдѣ имъ найдена эса Ходжа-Ахмеда *). Молящіеся на его могилѣ скоро получаютъ желаемое.

Бай-Мухаммедъ Маяевъ **) рассказывалъ: «Въ молодости я разъ былъ очень боленъ и въ большой нуждѣ; случилось мнѣ въ это время, быть вблизи могилы Чобанъ-Аты; я отправился туда, помолился и сдѣлалъ незръ (какое-бы то ни было приношение), съ мысленною просьбой о доставленіи мнѣ благополучія. Ночью, во снѣ, я увидѣлъ; почтеннаго на видѣ, человѣка съ большой бѣлой чалмой на головѣ и возлѣ него семьсотъ барановъ; онъ сказалъ мнѣ: «о сынъ мой! этихъ барановъ я подарю тебѣ». На другой день я почувствовалъ себя почти здоровымъ и возвратился домой; черезъ нѣсколько времени отъ разныхъ лицъ я получилъ въ подарокъ барановъ, которые у меня стали размножаться такъ удачно, что къ концу года ихъ было ровно семьсотъ штукъ.

Исанъ-Ата имѣлъ только одного сына, по имени Караманъ-Ата (Кагерманъ), который во всемъ былъ похожъ на дѣда, творилъ много чудесъ, построилъ мечеть, въ одномъ днѣ пути отъ могилы Чобанъ-Аты, и по смерти похороненъ вблизи ея.

Могила Караманъ-Аты весьма почитается; преимущественно на ней присягаютъ именемъ святого всѣ, отъ кого требуется очистительная присяга. Много разъ случалось, что ложно присягнувшіе именемъ Караманъ-Аты тутъ-же умирали и родъ ихъ вскорѣ совсѣмъ прекращался.

Когда-то между двумя отдѣленіями, кочевавшими на Мангышлакѣ, былъ споръ по одному важному дѣлу; было рѣшено, для окончанія дѣла, чтобы сто человѣкъ съ одной стороны приняли присягу на могилѣ Караманъ-Аты. Они приняли ее, хотя дѣло ихъ было неправое. Когда они отошли на сто шаговъ и сѣли на лошадей, чтобы ѣхать домой, вдругъ послышался громъ, подобный пушечному выстрѣлу; лица ихъ почернѣли, всѣ сто упали съ лошадей и въ ту же минуту умерли.

У одной женщины пропалъ платокъ; его сѣла ея корова; не зная объ этомъ, она заподозрила въ воровствѣ свою сосѣдку и потребовала отъ нея очистительной присяги, на могилѣ Караманъ-Аты. Обѣ пошли туда и заподозрѣнная присягнула въ

*) Въ 120 верстахъ къ юго-востоку отъ Александровскаго форта, на хивинской дорогѣ.

**) Бывшій начальникъ верхней Адаевской дистанціи, заурядъ-хорунжій, убитый въ мартѣ 1870 года въ отрядѣ полковника Рукина.

своей невинности; когда онъ возвратился домой, то увидели, что возлѣ кибитки лежитъ издохшая корова, животъ у нея лопнулъ и изъ него высунулся пропавшій платокъ.

Много было еще подобныхъ случаевъ; отъ чего каждый убѣжденъ, что ложно присягнувшій именемъ Караманъ-Аты будетъ непременно наказанъ.

Чагрикъ-Ата имѣлъ двухъ сыновей: Шахъ-Мардана и Каба-Али, который называется также Капамъ-Ата.

Шахъ-Марданъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Чахмагъ-Ата (чахмагъ—высѣкать огонь), потому что когда въ дорогѣ встрѣчалась надобность достать огня, то ему достаточно было прикоснуться однимъ погтемъ къ другому, чтобы искры посыпались въ изобиліи.

Однажды Чахмагъ-Ата, по окончаніи молитвы, заснулъ въ мечети; въ это время большая партія изъ враждебнаго отдѣленія, ограбивъ кочевавшихъ вблизи, подошла къ мечети, съ цѣлью ограбить и ее. Но найдя двери крѣпко запертыми изнутри и не могли разбить ихъ, разбойники стали вести подкопъ; когда они уже оканчивали подрывать стѣну, тогда бывшіе въ мечети мюриды, услышавъ стукъ, воскликнули: «о Чахмагъ-Ата, помоги!» Въ ту-же минуту всѣ копавшіе превратились въ камни.

На вершинѣ горы Имеди (въ Кара-тау) есть мѣсто, считающееся святымъ и называемое Сахабій (облачный); потому что, какъ говорятъ, Чахмагъ-Ата взошелъ сюда по облаку.

Разсказываютъ также, что Чахмагъ-Ата, спасаясь отъ преслѣдовавшаго его врага, бѣжалъ; но когда наступило время молитвы, онъ остановился, выбравъ большой камень, взошелъ на него и сталъ молиться; молился онъ ровно два года, не замѣчая времени. На этомъ камнѣ и доселѣ видны слѣды ногъ, рукъ, лба и носа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прикасался къ нему, дѣлая земные поклоны. По прошествіи двухъ лѣтъ, на это мѣсто явился его врагъ и отрубилъ ему голову; но Чахмагъ-Ата, взявъ отрубленную голову подъ мышку, бѣжалъ и скоро исчезъ; на камняхъ, гдѣ онъ ступалъ, остались слѣды ногъ его, на большомъ разстояніи. Мѣсто это находится въ глубокомъ оврагѣ, недалеко отъ урочища Кунанъ-Су.

На урочищѣ, называемомъ Ханга, въ 25 верстахъ отъ Александровскаго форта, есть могила свитого Мюхтимъ-Бабы, происходящаго отъ потомковъ Имама Гуссейна. Онъ пришелъ на Мангышлакъ изъ того мѣста Персін, гдѣ живутъ туркмены Ку-

рекаль; вскорѣ къ нему явились мюриды и число ихъ было значительно; въ это время въ окрестностяхъ Ханги не было ни одного дерева. Однажды мюриды пришли къ Мюхтимъ-Бабѣ и просили у него позволенія идти гулять въ сады. Онъ имъ сказалъ: «сегодня не уходите никуда; если завтра не найдете вблизи садовъ, то позволяю вамъ идти».

Мюриды послушались его, остались; на слѣдующій день утромъ рано они увидѣли, что вся ближайшая гора покрыта превосходными деревьями, со множествомъ плодовъ. Очарованные этимъ зрѣлищемъ и удивленные совершившимся чудомъ, они пришли къ Мюхтимъ-Бабѣ, пали къ его ногамъ и покаялись въ своихъ грѣхахъ. Послѣ этого число мюридовъ Мюхтимъ-Бабы стало увеличиваться и дошло до нѣсколькихъ тысячъ.

Послѣ смерти Мюхтимъ-Бабы, сады, никѣмъ не поддерживаемые, уничтожились; до настоящаго времени уцѣлѣло изъ нихъ только нѣсколько тутовыхъ деревьевъ.

Чудеснымъ образомъ явились еще сады на равнинѣ Султанъ-Эпе. Это произошло такъ: однажды Хейрулла-Суфій сидѣлъ въ уединеніи, занимаясь благочестивыми размышленіями; пришло къ нему нѣсколько челоуѣкъ съ одной стороны и нѣсколько челоуѣкъ съ другой; пришедшіе сѣли и стали разговаривать; зашла рѣчь о святыхъ; одни давали преимущество надъ всеми святыми Султанъ-Эпе; другіе же особенно величали Мюхтимъ-Бабу, въ особенности за то, что онъ однимъ словомъ покрылъ пустынную гору великолѣпными садами. Услышавъ это, Хейрулла-Суфій сказалъ:

— «Если Мюхтимъ-Баба однимъ словомъ произвелъ сады, то я, имѣющій только ничтожную частицу достоинствъ Султанъ-Эпе, покажу ихъ вамъ; взойдите на эту гору, посмотрите на равнину и вы увидите на ней сады, какіе желаете».

— «Ты безумецъ! говоришь, самъ не зная что», сказали сторонники Мюхтимъ-Бабы.

Услышавъ это, Хейрулла-Суфій въ порывѣ гнѣва воскликнулъ: «хюве-хаккъ!» (есть истина), вскочилъ и сталъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, потомъ быстро побѣжалъ на гору, гдѣ и упалъ; все присутствовавшіе пошли за нимъ и вскорѣ съ великимъ удивленіемъ увидѣли, что равнина, на большомъ пространствѣ, вся покрыта превосходными деревьями. Тогда все они громогласно прославили Бога, пали къ ногамъ Хейрулла-Суфія и сдѣлались преданными ему мюридами.

На урочищѣ Гуграхъ, возлѣ колодезь Бурлы, есть могила одного святого. Онъ пришелъ на Мангышлакъ изъ Хорасана, изъ города Мешхеда, въ то время когда тамъ воевали калмыки, сдѣлавъ противъ нихъ газаватъ и убить ими. Говорятъ, что когда калмыки отрубили ему голову, онъ схватилъ ее въ руки, вскочилъ на коня и исчезъ; слѣды его коня видны и доселѣ. Киргизы его называютъ Масатъ-Ата, по мѣсту его родины Мешхеда.

Недалеко отъ Чина (окраина Усть-Урта), при началѣ песковъ Акъ-тюбя, есть гора и на вершинѣ ея святое мѣсто, называемое Данишмендъ-Ата *). Про него рассказываютъ слѣдующее: однажды Данишмендъ-Ата сидѣлъ на одной изъ Кукайскихъ горъ, въ Туркестанѣ, и занимался благочестивыми размышленіями; къ нему подошелъ юродивый и сказалъ: «я слышалъ, что на Мангышлакъ есть мѣсто, прославленное чудесами Султана Эпе, сына Гакимъ-Аты, — собираюсь идти туда помолиться».

— «Если это такъ, то и я пойду туда съ тобой». Сказавъ это, Данишмендъ-Ата всталъ и спустился съ горы, чтобы идти далѣе съ юродивымъ. Вдругъ послышался голосъ изъ горы: «возьмите и меня съ собой»!

— «Въ такомъ случаѣ и сяду на тебя и поѣдемъ», сказалъ Данишмендъ-Ата, взошелъ на гору и сѣлъ на вершинѣ; гора тронулась съ мѣста и направилась къ западу; когда она передвинулась на Мангышлакъ, Данишмендъ-Ата сказалъ: «къ святымъ мѣстамъ неприлично подъѣзжать верхомъ». Гора остановилась, Данишмендъ-Ата слѣзъ съ нея и отправился пѣшкомъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, прославленнымъ чудесами Султана Эпе.

На Унджагѣ, на южной оконечности урочища Караилчи **), есть могила одного святого, называемаго Кашкаръ-Ата ***); онъ былъ календаръ (отшельникъ, избѣгающій мірскихъ суетъ), пришелъ на Мангышлакъ изъ Хорасана, питался оленьимъ мясомъ; когда онъ нуждался въ пищѣ, олени сами приходили къ нему и онъ рѣзалъ ихъ безпрепятственно. Нѣсколько свѣдѣній нахо-

*) Персидское слово, означающее: ученый, постигшій всѣ тонкости шариата.

**) Называется по могилѣ Кара-Ялчи (черный работникъ). По преданію, на этомъ мѣстѣ убить работника одного богатаго и знатнаго туркмена, увезшій дочь своего хозяина и настигнутый на этомъ мѣстѣ.

***) Кашкаръ — стада барановъ.

дится могила его ученика и преемника изъ мангышлакскихъ тюрменъ, извѣстнаго подъ именемъ Халифе (намѣстникъ), почитаемаго также святымъ. Оба они творили немало чудесъ; настоящія имена ихъ неизвѣстны.

Все, что извѣстно о мангышлакскихъ святыхъ, здѣсь рассказано; хотя, кромѣ упомянутыхъ, есть еще множество другихъ, но о дѣяніяхъ ихъ и жизни къ киргизамъ не перешло преданій, потому что на Мангышлакѣ непрерывно перемѣнялись кочевавшія племена: тамъ были ногаи, тюрмены, калмыки, опять тюрмены и наконецъ киргизы.

Воззваніе Мухаммедъ-Сафы *) къ Адаевцамъ въ 1870 году.

Адаевскій народъ! выслушай слова мои:

Дурныя мысли изъ памяти выкинь,

Съ чистымъ сердцемъ приди ко мнѣ.

Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* *

Сперва Рукина и Бай-Мухаммеда **) убилъ ты;

Обманулъ ихъ, — отвѣтишь на будущемъ свѣтѣ.

Едва десять дней прошло, — начались твои бѣдствія.

Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* *

Возмутившись, что смогъ, ограбилъ ты;

Потомъ — возложилъ всю надежду на божію милость;

Какъ русскій волкомъ сталъ, ты обратился въ барана.

Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* *

Откочуемъ! сказалъ ты, покинемъ Мангышлакъ!

Понравилась тебѣ эта пагубная мысль,

И сдѣлалъ ты съ рукъ недущее дѣло.

Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* *

*) Тюркменскій старшина, оказавшій послѣ возмущенія адаевцевъ въ 1870 году довольно важныя услуги при сношеніяхъ съ ними. Умеръ отъ холеры въ концѣ 1871 года.

**) Заурядъ-хорунжій Маяевъ, бывшій начальникомъ верхней Адаевской дистанціи.

Убѣгая отъ русскихъ, оставилъ привольныя мѣста;
Кто видѣлъ это — поучался; кто слышалъ — смѣялся.
Русскій львомъ сталъ, ты обратился въ лисицу.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Умнымъ не будетъ ѣдящій мясо съ саломъ *).
Мелкому озеру сравнятся-ли съ моремъ глубокимъ?
Только безумная баба съ мужемъ ссору заводитъ!
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Водяная змѣя съ удавомъ не свивается,
Простой баранъ съ архадомъ **) не бодается,
Пестрая ворона съ ястребомъ не дерется.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Горшокъ съ чугуномъ вздумалъ драться!
Не обдумавши, пошли, — съ дороги сбились.
Теперь, самъ знаешь, кругомъ ты обойденъ.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Не по силамъ пустилъ ты стрѣлу на высокую гору!
Въ первый-же походъ много взяли у тебя скота;
Меня если спросишь? скажу: нѣтъ въ томъ грѣха.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Мухаммедъ-Сафа говоритъ: совѣтъ дамъ,
Повѣрь словамъ моимъ, скорѣй покорись!
Все я самъ видѣлъ, некуда тебѣ уйти.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Разсказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекена), въ 1870 году.

Когда до насъ дошелъ слухъ, что Казакъ (киргизы) сжегъ

*) Адаевцамъ хлѣбъ неизвѣстенъ. Зимой, когда отъ безкормицы скотъ худѣетъ, они ѣдятъ мясо, съ бараньимъ саломъ, которое нарочно для этого отливается плоскими кусками.

**) Каменный баранъ (ovis argal.).

дома Уруса, утушили его очаги, убили Бай-Мухаммеда и одного полковника съ сорока челоуѣками, и изумился и сказалъ: это что за удивительное дѣло? Турецкій султанъ, англичане, различные франки, неоднократно, соединившись вмѣстѣ, дрались съ Урусомъ; но онъ стоялъ твердо и не пришелъ въ затрудненіе отъ ихъ нашествій. Шамель тридцать лѣтъ сражался съ Урусомъ и наконецъ попался-таки въ плѣнъ. А Казакъ что за челоуѣкъ, чтобы осмѣлиться на такое дѣло!

Сдѣлалъ ты великое дѣло, не подумавши:
Голову свою на вѣтеръ пустилъ, Казакъ!
Смѣльчакомъ ставши, бросился ты,
Подобно мотыльку, въ огонь, Казакъ!

* * *

Дурное начало не принесетъ добра.
Взялся ты не за прибыльное дѣло:
Лишишься богатства, отымутъ стада твои,
И станешь ты пѣшій, Казакъ!

* * *

Отберутъ у тебя золото и драгоценности,
Лишатъ твоихъ женъ и дочерей украшеній,
А потомъ и сыновей твоихъ
Запишутъ въ солдаты, Казакъ!

* * *

Голова твоя попала въ водоворотъ,
Который скоро увлечетъ и туловище;
А сердце твое, день-отъ-дня наполняясь грустью,
Никогда болѣе не возрадуется, Казакъ!

* * *

Никакой благоразумный челоуѣкъ
Не бѣдаетъ камнями, не по силамъ.
Жена ругаетъ-ли своего мужа?
О, лишившійся ума, Казакъ!

* * *

На каменистой почвѣ пшеница не растетъ!
Жаръ твой мало-по-малу утихнетъ,

Будутъ стрѣлять въ тебя гранатами, пулей,
И въ прахъ ты обратишься, Казакъ,!

* * *

Нури-пѣвецъ говоритъ: о бѣдняга!
Самъ заслужившій постыдное горе,
Выведутъ семейства твои на базаръ;
А имя твое на вѣки опорочено, Казакъ!

О многочисленности и могуществѣ Уруса.

Разскажу о томъ все, что я видѣлъ:
Есть дорога, идущая изъ желѣзной крѣпости *),
Изъ-за стѣны ея выйдетъ сто тысячъ конницы,
На лошадяхъ, не ѣдящихъ травы, не пьющихъ воды.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ солдатъ, сто тысячъ эсауловъ,
Сто тысячъ бековъ, сто тысячъ караульныхъ,
Сто тысячъ удалцовъ, сто тысячъ всадниковъ,
Имѣетъ еще Урусъ сто тысячъ дружинъ.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ князей, сто тысячъ панцырниковъ,
Сто тысячъ казаковъ, сто тысячъ конныхъ,
Сто тысячъ дагестанцевъ, смѣлѣе львовъ,
Имѣетъ еще на водѣ сто тысячъ пароходовъ.

* * *

Привезутъ сто тысячъ пушекъ, сто тысячъ ящиковъ,
Выпустятъ сто тысячъ выстрѣловъ по міру.
Сто тысячъ продающихъ вино, сто тысячъ его пьющихъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ Рустамовъ, сто тысячъ Зааловъ.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ сардаровъ, съ царской властью;
Сто тысячъ на слонахъ, сто тысячъ на носорогахъ,
Сто тысячъ служителей, превосходящихъ красотою дѣвицъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ одеждъ драгоцѣнныхъ.

* * *

*) Дербента.

Сто тысячъ занимаются разведеніемъ садовъ,
Сто тысячъ колесницъ, готовыхъ къ дѣлу,
Сто тысячъ содержатъ караулы по дорогамъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ правосудныхъ судей.

* *

Сто тысячъ начальниковъ начнутъ командовать;
Увидя сто тысячъ враговъ—всѣхъ изрубятъ мечами.
Сто тысячъ ничего не боящихся копьеносцевъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ гренадеровъ.

* *

Сто тысячъ музыкантовъ заиграютъ на инструментахъ,
Сто тысячъ есть такихъ, которые враговъ не считаютъ,
Прійдетъ сто тысячъ охотниковъ съ ястребами,
Имѣетъ еще въ ста тысячахъ мѣстахъ скотоводовъ.

* *

Нури-пѣвецъ наскладъ такъ много словъ,
Потому-что иногда онъ паритъ въ воздухъ.
Имѣетъ еще Урусъ сто тысячъ сундуковъ золота,
И лошадей съ жемчужнымъ уборомъ.

Киргизская пѣсня.

Десяти лѣтъ я достигнулъ:
Зеленую вѣтку въ лукъ согнулъ,
Тонкія стрѣлки въ цѣль пускалъ.
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?
Пятнадцати лѣтъ достигнулъ:
Въ красное, зеленое одѣлся,
Туго поясомъ подтянулся,
Всѣмъ красивымъ казался.
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?
Двадцати пяти достигнулъ:
Бѣлыя шаравары засучивъ,
Хоть и самъ я молчалъ,
Да и врагъ пикнуть не смѣлъ.
Одна дѣвица полюбила.
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?

Тридцати пяти достигнулъ:
Пику съ бубенчиками взявъ,
Безрукавную кольчугу надѣвъ,
Прохладное время выбравъ,
Сиваго скакуна погналъ,
Съ крикомъ врага побѣдилъ.
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?
Сорока пяти достигнулъ:
Въ дальній походъ отправился,
И съ сѣвера и съ юга, въ степи,
Разбойники на людей нападали,
Не боялся, одинъ я проѣхалъ!
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?
Пятидесяти пяти достигнулъ:
Ссорившіеся кучками ходили,
Судилъ ихъ, языкомъ работалъ;
Бійликъ *) за то получалъ.
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?
Шестидесяти пяти достигнулъ:
Борода и усы посѣдѣли,
Прежней силы лишился.
Дѣвка говорить:
Взять ты хочешь меня,
Только видомъ моимъ утѣшайся!
Хоть убей!—не пойду за тебя!
Когда-то, ты и былъ молодецъ;
Но теперь твоя голова —
Все равно, что прошлогодній навозъ!
Гдѣ почестъ, гдѣ слава?

А. К.

12 февраля 1873 г.

*) Плата бѣю за производство суда